

DOI: 10.18721/JHSS.8309

УДК 17, 122/129

ДОСТОИНСТВО КАК ПЕРВОПРИНЦИП КУЛЬТУРЫ ИЛИ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЗАКОНА «ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ЭГОИЗМА»

В.В. Кузнецов

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассматривается одно из наиболее существенных противоречий во всей проблематике достоинства – между нравственной ценностью личности и социальной значимостью индивида. Целью работы является очерчивание контуров данного противоречия, позволяющее рассматривать новые горизонты смыслогенеза. В качестве методов исследования выступают метод системного анализа, принцип единства исторического и логического, метод культурно-исторического сравнения. Автором предложен иной, смещенный взгляд на казалось бы очевидные вещи и сюжеты. Единство и противоположность между достоинством как первопринципом культуры и достоинством как проявлением законов социальности является одной из форм фундаментального противоречия между достоинством как жизнью и жизнью как достоинством. Разрешение данного противоречия может предполагать как отрицание достоинства, так и его утверждение. И то, и другое в равной степени доказательно и опровержимо. Результаты работы – артикуляция как тождества, так и различия между первопринципом культуры и социальным законом «экзистенциального эгоизма»; выявление следующего парадокса: всё то, что безусловно осуждается культурой как нарушение ее первопринципа, как недостойное поведение (лесть, угодничество, карьеризм, подсиживание, наушничество, доносы), на самом деле есть социальная норма как проявление законов социальности, и наоборот, то, что превозносится культурой (героизм, подвижничество, святость), является исключением из нормы, бросающим вызов «нормальной повседневности». Но именно принцип достойного существования – необходимая стратегия позитивной сборки, он стягивает, собирает и удерживает культуру. Именно это соединяет и сплачивает, собирает и удерживает.

Ключевые слова: культура; достоинство; первопринцип культуры; законы социальности; закон «экзистенциального эгоизма»; социальная норма; ресентимент; элита; масса

Ссылка при цитировании: Кузнецов В.В. Достоинство как первопринцип культуры или как проявление закона «экзистенциального эгоизма» // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 3. С. 90–100. DOI: 10.18721/JHSS.8309

DIGNITY AS A FUNDAMENTAL PRINCIPLE OF CULTURE OR AS A MANIFESTATION OF THE LAW OF THE "EXISTENTIAL SELF"

V.V. Kuznetsov

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation

The article deals with one of the most significant contradictions in the whole issue of dignity: between the moral value and social significance of the individual. The goal of this

study is in outlining this contradiction, allowing to consider new horizons in the genesis of sense. The research methods are the method of system analysis, the principle of historical and logical unity, the method of cultural and historical comparison. The author proposes a different, shifted look at the seemingly obvious objects and themes. The unity and contrast between dignity as a fundamental principle of culture and dignity as a manifestation of the laws of sociality is a form of fundamental contradiction between dignity as life and life as dignity. The resolution of this contradiction can imply both a denial of dignity, and its confirmation. Both are equally provable and disprovable. The result of the study is in establishing the equality and differences between the fundamental principle of culture and the social law of the “existential self.” Another result is the following paradox. Everything that is unequivocally condemned by culture as a violation of its fundamental principle, as misbehavior – flattery, servility, careerism, scheming, slander, denunciation – all of this is actually the social norm, as a manifestation of the laws of sociality. Conversely, something that is glorified by culture – heroism, asceticism, holiness – is an exception to the norm, challenging the “normal everyday life.” But it is the principle of worthy existence that is a necessary strategy for positive assembly, pulling, collecting and holding the culture. This is what connects and unites, collects and holds.

Keywords: culture; dignity; a fundamental principle of culture; the laws of sociality; the law of the “existential self”; social norm; resentment; elite; mass

Citation: V.V. Kuznetsov, Dignity as a fundamental principle of culture or as a manifestation of the law of the “existential self”, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (3) (2017) 90–100. DOI: 10.18721/JHSS.8309

Введение

Достоинство человека есть феномен культуры, так как именно в пространстве культуры происходит его формирование. Основанием становления личностного достоинства является причастность индивида к культуре, несение человеком в себе ее образа. Культура формирует высокие идеи и смыслы, значимые нравственные ценности, составляющие тот самый высший человеческий уровень, уровень «первородства», возвышающий человека над присущим ему животным содержанием, т. е. над уровнем «чечевичной похлебки». Культура предлагает индивиду личностные образцы, достойные подражания, и модели достойного поведения. Следуя достойным жизненным примерам, одухотворяясь высокими идеями, ценностями и смыслами, человек становится личностью, субъектом, преодолевая состояние объекта.

Средоточие культуры, ее первопринцип есть принцип достойного существования. Этот принцип конституирует саму культуру, стягивает, собирает, удерживает ее. Это и есть столь необходимая сейчас стратегия позитивной сбор-

ки в противовес стратегиям сборки негативной, таким как страх мировой термоядерной войны, террора, глобальных катастроф. Необходимо то, что соединяет и сплачивает, что держит и утверждает. Личностное достоинство формируется как соответствие человеческого поведения данному принципу. Социальная стратификация в идеале выстраивается в соответствии с древним нравственным принципом воздаяния почета и славы героям и позора – трусам [1], впоследствии интерпретированным П.А. Сорокиным [2] как «преступление и кара, подвиг и награда». В соответствии с данным принципом, выше в социальной иерархии находится тот, кто имеет большие заслуги перед родом, народом, Родиной. Именно принцип достойного существования делает нравственно оправданным «пафос дистанции», выделяющий лучших людей из остального общества. Ф. Ницше прав в том, что данный пафос «рождает более таинственный пафос внутри самой души» [3, с. 717].

Впервые то, что мы называем первопринципом культуры, было сформулировано Аристотелем, который представил в своих трудах блестящий анализ чести [1]. В дальнейшем

сама идея поощрения различными формами культуры достойного поведения и порицания нравственно недостойного поведения затрагивалась в работах такого мыслителя, как Н. Макиавелли [4], русско-американского социолога П.А. Сорокина [2], других авторов. Но недостаточно только сформулировать принцип, т. е. буквально «начало». Необходимо развить его в систему, исследовать культуру как таковую, т. е. культуру в гегелевском смысле, с точки зрения того, что сама культура учреждается своим первопринципом – принципом достойного существования. Одновременно культура решающим образом формирует личностное достоинство членов социума. Затем возникает следующая проблема. Необходимо понять, что же препятствует реализации первопринципа культуры? Существуют ли пределы возможностей его реализации? Постепенно формируется исследовательская традиция, представленная такими авторами, как Н. Макиавелли [4], Т. Гоббс [5], Б. Мандевиль [6], Ч. Дарвин [7]. Свое логическое завершение данный исследовательский подход получил в новом оригинальном научном направлении, впервые разработанном А.А. Зиновьевым [8] и получившем у него наименование «логическая социология». Суть данного подхода – выявление и обоснование социальных законов, ядром которых является закон «экзистенциального эгоизма». Соответственно мы проводим различие между культурой и социумом, основываясь как на тождестве, так и на противопоставлении первопринципа культуры социальному закону «экзистенциального эгоизма».

Постановка проблемы и цели исследования

В основу западного теоретизирования и соответственно западного проекта науки была положена не парадигма совершенства, разработанная Аристотелем, а парадигма свободы (свободы воли), разработанная софистами.

Как показывает современный исследователь Н.М. Чуринов (одним из первых в XX в. это сформулировал А.Ф. Лосев [9]), именно Аристотель «впервые поднялся до уровня различения двух типов теоретизирования и выявления для каждого из двух типов фундаментальных оснований. С одной стороны, перед ним представляли фантазмы, т. е. теоретические химеры софистов, нечто мыслимое без соотнесения с

внешним миром, изобретенное, преследующее идеалы принципиальной непознаваемости мира, отсутствующее необходимость познания мира, защищающее возможность произвольного переустройства мира. С другой стороны, существовало убеждение в необходимости и возможности познания законов естества природы и общества и деятельном совершенстве следования этим законам. Перед Аристотелем развертывалась диалектика, раскрывающаяся явлениями совершенства, гармонии и красоты, а также явлениями всеобщей связи, единства мира и т. п. Аристотель, во-первых, различил две эти стороны теоретического освоения человеческого мира; во-вторых, он следовал представлению о том, что мир познаваем, и, в-третьих, отдал предпочтение диалектическому (космическому) проекту науки» [10]. Таким образом, Аристотель сформулировал принцип совершенства, лежащий в основе космического проекта науки, согласно которому в процессе познания необходимо соединить лучшее и совершенное, когда лучшее получает свое завершение в совершенном. Данная стратегия познания, разработанная Аристотелем, сейчас способна выступить альтернативой господствующему западному способу теоретизирования и западной науке в целом, имеющей целью завоевание господства над природой и обществом. Эта стратегия, с одной стороны, дала поистине грандиозные научно-технические результаты, с другой стороны, породила нынешние глобальные проблемы, которые в принципе не могут быть решены, если мы остаемся на позициях западного способа теоретизирования. Если (западная) наука сохранит прежний вектор своего развития, то это с необходимостью приведет к уничтожению человечества.

Философская позиция, согласно которой достоинство есть первопринцип культуры как принцип достойного существования, соответствует парадигме совершенства, лежащей в основе аристотелевского космического проекта науки. Позиция же, согласно которой достоинство есть проявление социального закона «экзистенциального эгоизма», соответствует парадигме свободы воли, лежащей в основе западного, по своей сути софистского, проекта науки. Целью нашего исследования является понимание сущности достоинства, рассматриваемого в оппозиции двух исследовательских

парадигм – принципа совершенства и основанного на нем космического проекта науки, иными словами – «этики любви», и принципа свободы (воли) ученого и основанного на нем западного универсалистского проекта науки или «метафизики своеволия» (в терминологии Ю.Н. Давыдова [11]).

Методология

Методологический принцип нашего исследования – единство логоса и этоса. Это значит, что философия должна явить себя в своей ответственности не только за истину познания, но за истину, способную определить стратегию достойного человеческого существования. Философия, как «строгая наука», есть методология, т. е. учение о (правильном) способе достижения истины. При постановке вопроса «что есть истина?» в данной логике с необходимостью следует ответ, что истина есть то, к чему приходит наука, руководимая правильной методологией, т. е. истина есть то, к чему с неизбежностью ведет (правильное) мышление. При этом вне нашего рассмотрения оказывается нравственный аспект истины [См.: 11]. Наука как таковая, предоставившая человеку огромные возможности покорения природы и общества, оказалась не в состоянии сделать человека лучше, породив глобальные проблемы, угрожающие самой жизни на Земле. Эти проблемы в принципе не могут быть решены в рамках ныне господствующего проекта науки и соответствующих этому проекту стандартов рациональности. Значит, надо осуществить иной проект науки, нужен иной способ теоретизирования. Необходимы постепенное (диалектическое) *снятие* самого западного способа теоретизирования, т. е. его *отмена*, и одновременно *сохранение* (его лучшего и наиболее достойного содержания). Необходимо возвращение к собственно человеческому, т. е. нравственно ориентированному мышлению. Это значит, что одной из главных задач современной эпохи является осуществление консервативной научной революции в самом строгом смысле, т. е. отрицание западного способа теоретизирования с одновременным сохранением его великого содержания. При возвращении к первоначальному (истинному) значению концепта «революция» эпитет «консервативная» представляется излишним. Революция есть уничтожение ложного содержания

и ложной формы и возвращение (что показывает частица *ре-*) к истинному содержанию и истинной форме, утраченным в ходе исторического развития.

Различные же вариации философии как «строгой науки» исходят из того, что истина есть гносеологическая категория. Соответственно, рассуждая логически, мы определяем высказывания как истинные, ложные и неопределенные. Но при постановке проблемы своей онтологической укорененности человек приходит к иному пониманию истины. Истину нельзя знать, скажет С. Кьеркегор, в ней можно только быть. Сначала быть, потом действовать и уже потом из бытия и из рискованного действия – знать (так сформулировал подлинный метод философии И.А. Ильин). Именно таков был путь Сократа, который впервые поставил античному миру вопрос: изучима ли и определима ли вообще добродетель? По мысли Ильина, данный вопрос до сих пор сохраняет свое значение, причем для всей философии. Ответ на него заключается в том, что философ, «желающий успешно исследовать свой предмет, должен реально-опытно переживать его и тем самым осуществлять его».

Соответственно истина не есть гносеологическая категория. Истина есть то, что определяет нашу укорененность в бытии, стратегию достойной разумной жизни. Истина – это знание, определяющее человеческую жизнь. Это и есть Логос как универсальный закон бытия. Подобным образом понимаемая истина являлась главным предметом русской философии. Именно вопрос об источнике истины, той истины, без которой человек не может жить, – основной вопрос русской философии. Современная философия должна развиваться как этический проект, что предполагает *возобновление* развития содержания античной философии как способа достойной жизни. В гегелевском смысле это значит одновременно *возвращение* к содержанию античной философии как образу жизни и *обновление* этого содержания в условиях современной реальности. Это и есть подлинный метод философии, совпадающий в гегелевском смысле с ее предметом.

Каково социокультурное содержание принципа чести и достоинства? Выживание рода, народа, Родины требует прежде всего вооруженной защиты, т. е. войны. Поэтому культу-

ра начинается с армии, в частности, по оценке В.В. Кожина, «русская культура началась в дружине». Выживание и, тем более, экспансия требуют всеобщего вооружения рода, племени, народа. При этом из всех вооруженных мужчин происходит выделение касты отборных воинов. Именно они и составляют аристократию как власть лучших людей. Поэтому именно боевой порядок есть основание социального порядка как такового. Именно принцип чести, будучи первоначалом культуры, находится в основании космоса. Нравственно достойным является то, что способствует успешной вооруженной защите рода, народа и Родины, а безнравственным и недостойным — всё то, что способствует поражению своего народа. Значит, необходимость обороны предопределяет изначальность *долга* перед народом и Родиной, являющегося основой чести и достоинства. Достойный человек — это человек, добросовестно исполняющий свой долг. Иначе можно сказать, что должное это и есть хорошее, достойное. По отношению к членам рода это в первую очередь необходимость воевать. Это принцип служения. Подчиненное положение по отношению к военному делу в иерархии служения занимают мирные обязанности: учить, лечить и строить.

Можно сказать, что честь и достоинство есть «олицетворенный долг». Таково понимание человека в святоотеческой традиции. Первопринцип культуры проявляется в необходимости рисковать жизнью, терпеть страх боли и страх смерти в пределе, терпеть страх и боль пытки за пределами. Изначально существует замкнутость долга перед общиной на значимость индивида. Должное есть необходимое, значит, требуемое возможное, иногда требуемое невозможное, становящееся возможным. Исполнение должного, необходимого и достойного проявляется в высоком самоуважении и уважении других. Итак, человек значим, если он достойно исполняет свой долг, ничтожен, если проявляет слабость и малодушие при выполнении «общего дела». Чувство и сознание собственной значимости многократно возрастают благодаря сакрализации долга: это не только почетная, но и священная обязанность. Достойное поведение освящено и прославлено, соответственно недостойное предается как позору (так работает механизм чести), так, в пределе, и проклятию (здесь свою роль играет сакральная традиция).

Но необходимо различать достоинство как моральное качество личности и достоинство как социальную значимость человека. Эта значимость формируется не только в аспекте следования первопринципу культуры, но и в аспекте реализации индивидом законов и принципов коммунальности (социальности, в терминологии А.А. Зиновьева). В этом контексте достоинство человека — это чувство и сознание социальной значимости его общественной позиции. Это может быть чувство и сознание превосходства своего социального статуса. Люди испытывают уважение к высокой социальной позиции как таковой. Человек, занимающий высокую позицию, признается успешным и соответственно достойным. Общественное сознание уважает социальный успех в силу самого факта этого успеха: «победителей не судят». Религия, например христианство, также предписывает уважение к начальнику, ибо он «не зря носит меч». Индивид получает почет и материальные блага, соответствующие престижности его социальной позиции.

Проблема, которая при этом возникает, заключается в следующем. Являются ли мораль, религия, право детерминантами поведения или они не более чем некоторое ограничение законов и принципов социальности? [8, с. 14–15]. Социальные законы проявляются в том, что каждый индивид стремится занять более высокую социальную позицию, по возможности улучшить ее и, по крайней мере, не утратить. Что такое ресентимент с точки зрения проявления законов социальности? Если человек всегда стремится занять высокую социальную позицию, то это означает фактическое доминирование морали ресентимента. Ведь человеку свойственны чувство зависти и желание мести более удачливому сопернику на занятие выгодной социальной позиции. Это и есть «человеческое, слишком человеческое», если использовать выражение Ф. Ницше. Это может быть месть воображаемая, идеальная: воля Бога или естественный порядок вещей приведут к многократному унижению наших счастливых соперников и обидчиков. Их неизбежное унижение совершится «здесь и теперь» или «по ту сторону» существования. Таково изначальное понимание ресентимента у Ницше. Это может быть моя собственная воля, когда я сам сумею должным образом в реальной жизни унижить

своего врага, видя в этом торжество «высшей правды». В той же степени, что и массам, resentment свойственен и элитам. Это проявляется и в стабильные периоды, и во время кризисов. Революцию можно анализировать как взрыв resentment. Таким образом, resentment есть психологическое проявление действия законов социальности. Он не уродливое исключение, а норма, закон. Resentment проявляется как комплекс зависти, ненависти, обиды и мстительности по отношению к другим индивидам, которые более преуспели в реализации закона «экзистенциального эгоизма». Это не только черта «низов» общества. Проявления достоинства, чести, жертвенного героизма номинально превозносятся, но реально существование достойного подобно «белой вороне», которая служит вызовом нормальному проявлению законов социальности. Данные законы постепенно выдавливают всё достойное. Это особенно справедливо для современного мира.

Но статус индивида всё же зависит и от заслуг, первоначально прежде всего от заслуг рода, в Новое время главным образом от личных заслуг. Аристократия исторически есть первая форма меритократии (т. е. власти заслуг). Социум предполагает иерархическую дифференциацию. Поэтому проблема заключается в отношении первопринципа культуры к законам социальности. В соответствии с принципом чести достойные люди благодаря своим заслугам имеют более высокий статус, почет и долю общественных благ. Реальные достижения получают заслуженное общественное признание. В этом, собственно, и проявляется меритократия как власть (достойных) качеств. С другой стороны, существуют законы социальности, определяемые А.А. Зиновьевым как законы «экзистенциального эгоизма» [8, с. 14]. Это уже иной принцип: более высокий статус имеют талантливые карьеристы, интриганы, люди изворотливые, более ловкие. Побеждает здесь не деловой аспект, в котором объективно сильнее самый храбрый воин, умелый военачальник, искусный дипломат, опытный лекарь. Не менее важен в социуме так называемый коммунальный аспект. Здесь уже иные основания для успешной деловой карьеры, более удачлив тот, кто ближе к вождю, старейшинам и жрецам. Здесь побеждает «гений общения», причем часто независимо от своих деловых качеств.

Поэтому возможное решение проблемы можно сформулировать так: честь и достоинство — это первопринцип культуры, конституирующий саму культуру, но честь и достоинство — это и проявление социального закона «экзистенциального эгоизма».

В период архаики лучшим воинам, в сражениях убивавшим врагов, доставалось наибольшее количество женщин (естественно, лучших) и свиней (тоже лучших). Воинам, находившимся в битве в более безопасном месте и не убивавшим врагов, были положены только одна жена и одна свинья, да и тех лучшие воины могли у них отобрать, и первые не имели права этому сопротивляться [12]. А.С. Пушкин выразил данную первобытную интуицию так: кто боя не знал, тот «милых жен лобзаний не достоин». Это древнейший принцип, во многом справедливый. Можно жить, постоянно уклоняясь от опасностей, но тогда не надо обижаться, что плохому воину положена только одна жена и одна свинья, да и тех могут отобрать в любой момент.

Аристотель сформулировал древний принцип предельно просто: «Слава героям, позор трусам». У П.А. Сорокина он интерпретирован как «преступление и кара, подвиг и награда». Поощрение и наказание, одобрение и порицание, наказание и награда, почет и позор, отверженность и спасение как воздаяния за границами существования, слава и хула (порушение), память и забвение выступают в качестве проявления первопринципа культуры.

Но следует признать, что существуют дисциплинарные пространства культуры, в которых достоинство как первопринцип не работает. Различны ад ленинградской блокады и ад колымских лагерей, описанный В. Шаламовым. В условиях чудовищного голода ленинградцев поддерживала идея «общего дела» — чувство и сознание необходимости выстоять вопреки всему, дать отпор врагу, для которого голод был «смертью, засланной им в город», по выражению блокадников [13]. Это объединяло практически всех, по крайней мере большинство, и давало силы и смысл для личного сопротивления. В условиях колымских лагерей не было такого «общего дела», объединявшего усилия всех и дававшего силы каждому. Не было и чести как верности «общему делу». Оставалась только личная честь — не стать стукачом, лагер-

ной Шехерезадой, палачом. Была единственная стратегия сборки, объединявшая всех, но сугубо негативная – желание выжить любым способом. Здесь не «общее дело», здесь работает другой принцип – «умри ты сегодня, а я завтра». Здесь работают именно законы социальности в своем чистом виде, мало ограниченные религией, моралью, правом. Здесь и войну воспринимали совершенно иначе, чем на Большой земле. Например, услышав известие о Победе, Андреев, герой рассказа Шаламова [14], просто «отвернулся к стене – у него поднялась температура». По сути, Шаламов противопоставляет две правды – правду Великой Победы и правду Колымы. Как можно выдержать подобное противопоставление? Возможно ли их соединить? Тюрьма, зона – это совершенно особый мир. В работе «Надзирать и наказывать» М. Фуко описывает всё это пространство как то, что культура «выбрасывает» из себя. Но исследуя именно то, что культура «выбрасывает», можно понять, что представляет собой сама культура.

Итак, законы «экзистенциального эгоизма» находятся в сложном единстве с первопринципом культуры. Человек у Зиновьева есть индивид, социальный атом, полностью подчиненный неумолимым социальным законам. Тем не менее достоинство всё же есть социальная, культурная, нравственная норма. Культура – это совокупность норм, запретов, императивов. Система норм образует социальный порядок. Нравственные нормы восходят к табу, изначальным запретам. При этом самое страшное табу отнюдь не половое [15]. Самое грозное табу – запрет предавать. В позитивном смысле принцип достоинства проявляется в модусах признания, наград, почестей, славы, бессмертия. Сама воля к жизни многократно усиливается в векторе воли к достойной жизни. В негативном смысле принцип конституируется как страх главного смертного греха – предательства, а отнюдь не гордыни. Именно предательство считалось главным грехом у первых христиан [16]. Первое и главное табу не инцест или иное, например половой запрет, не запрет убийства своего сородича, важнейший для выживания общности, но предательство. Это самая фундаментальная норма – не предать свой род, народ, Родину. В позитивной форме в виде императива это формулируется в жесткое и безусловное требование верности. Это основа вы-

живания рода, народа, Родины как целого. На уровне социальной физики любая общность во враждебном мире решает двойственную задачу выживания и экспансии. Главный принцип спасения целого – жертвенное усилие каждого представителя общности. В зависимости от степени данного усилия выстраивается иерархия общности. Именно поэтому законы социальности в очень существенном смысле ограничены принципом чести и достоинства как законом выживания социальной общности.

В работе «О военном искусстве» Н. Макиавелли отмечает: «В древности могучим средством удерживать солдат в повиновении были религия и клятва верности, произносившаяся перед выступлением в поход; за всякий проступок им грозила не только человеческая кара, но и все ужасы, какие может ниспослать разгневанный Бог. Эта сила, наряду с другими религиозными обрядами, часто облегчала полководцам древности их задачу и облегчала бы ее всюду, где сохранился страх Божий и уважение к вере. Серторий уверял свои войска, что победа обещана ему ланью, которая общается с богами; Сулла толковал им о своих беседах со статуей, увезенной из храма Аполлона; а во времена отцов наших французский король Карл VII, воевавший с англичанами, говорил, что ему подадут советы девушка, ниспосланная Богом, которую всюду называли Девой Франции и которой приписывали победу» [17, с. 162].

Верность в пределе соблюдается жертвенной гибелью. Предатель же одновременно презираем с точки зрения принципа чести и проклят с точки зрения достоинства как предостояния. И то, и другое формируется в культуре изначалью. Человеческие объединения, не утвердившие и не соблюдавшие данный базовый принцип, прекратили свое историческое существование. Не предать, «тотальная решимость идти до конца» в японской традиции – мэцкей сутеми, в православии «будь верен до смерти», «претерпевший до конца спасется» – таковы различные формы проявления принципа достойного существования. Именно успешное осуществление данного принципа обеспечило силу и жизнеспособность великих империй и блистательных культур. Девиантное (отклоняющееся) поведение по отношению к данной норме – залог гибели некогда великих цивилизаций.

Предательство – главный грех. На этом негативном основании строятся культура в целом и ее сакральное «ядро». Нельзя предать своих: род, семью, Отечество, церковь. Поэтому рискованное и жертвенное поведение в негативном смысле основывается на стыде, в пределе – позоре как публичном презрении к отступнику, трусу, предателю. Он более не признается в качестве человека, но в качестве ничтожества, что является, по справедливой оценке П.Я. Чаадаева, «самой тяжелой мукой для человека разумного». Но качественно сильнее даже позора как морального «дна» «бездна» проклятия. В соответствии с первопринципом культуры строится и космос загробного мира Данте Алигьери [18]. В самой сердцевине ада находятся предатели как «обманувшие доверие», «предатели друзей», «предатели родины», «предатели величия и славы». В объятиях Люцифера – Иуда Искариот. Самым презренным пороком поэт считал трусость.

Итак, принцип чести и достоинства сакрален. Предательство есть одновременно позор и святотатство. А есть ли шанс у предавшего вернуться к своим, вновь встать на истинный путь или отречение окончательно и бесповоротно делает человека отверженным на «веки вечные»? Это сложный вопрос. С точки зрения последовательно проведенного принципа чести одновременное отречение всех или большинства воинов не оставляет никаких шансов армии и народу. Предательство необратимо. Пути назад навсегда отрезаны. С другой стороны, с точки зрения непреклонной чести оступившемуся предоставляется возможность кровью искупить свою вину перед родом, народом, Родиной. Православная традиция исходит из того, что шанс искупить великую вину предательства Христа был даже у Иуды. Как это формулирует М.М. Бахтин, человек жив, пока не сказал своего последнего слова.

Если рассматривать значение культуры с точки зрения принципа достойного существования, то культура решает задачу воспроизводства элит, соответствующих изначальному смыслу данного понятия. В противном случае невозможно позитивное развитие страны и вполне вероятны ее деградация и гибель. Поэтому необходимо воспитание новых достойных поколений на примере героев, святых, гениев, мучеников. Культура решает задачу утвержде-

ния человеческого достоинства как сильных духом, так и слабых, каждый должен найти свое достойное место. В этом смысле достойные образцы, существующие в культуре, моделируют достойное поведение новых поколений. Культура создает достойные личностные образцы, моделирует поведение молодежи в соответствии с этими образцами. Героические примеры воспламеняют дух молодых бойцов, высокохудожественные произведения искусства возвышают души их читателей.

Проблема разрешается следующим образом. 1. Культура воспитывает различные типы достойных людей и решает задачу воспроизводства элит, без которых немисливо никакое развитие. Первопринцип культуры проявляется не только в признании заслуг за воинский героизм, но и иных человеческих свершений, таких как научный гений, конструкторский талант, художественная одаренность, спортивные рекорды. 2. Культура также формирует человеческие типы, угодные власти, реализуя тем самым законы социальности. Вторую позицию сформулировал М. Фуко, показавший, что социум «интегрирован в самые потаенные уголки сознания и бессознательного». В этом случае власть получает не поколения, обладающие достойными качествами, а людей, послушных власти, удобных, конформных, к которым легко применимы манипулятивные технологии. Поэтому происходит уже не «восстание масс» [19], а «восстание элит» [20]. Наступающий век действительно становится веком «толп», и мы близки к постчеловеческой ситуации, предполагающей не наступление сверхчеловека, а тотальную деградацию человеческого типа.

В реальности культура одновременно вынуждена решать обе данные задачи. Формируются достойные люди в деловом аспекте, в то же время управляемые индивиды в аспекте коммунальном. Главная беда приходит тогда, когда вполне необходимый в обществе аспект подчинения раздувается до такой степени, что, безусловно, преобладает послушный, угодливый и конформный тип человека, которым удобно управлять, но он совершенно беспомощен в деловом аспекте.

Результаты исследования

Итак, в негативном смысле принцип достойного существования конституируется как

страх главного смертного греха — предательства, а отнюдь не гордыни. Именно так было у первых христиан. Первое и главное табу не инцест или иное, например половой запрет, не запрет на убийство сородича, важнейший для выживания общности, но предательство. В позитивном смысле принцип достоинства проявляется в модусах признания, наград, почестей, славы, бессмертия. Собственно достоинство мы определяем как реализацию высоких идей, смыслов и ценностей, которые в библейском смысле образуют уровень «первородства» в отличие от базовых жизненных потребностей, образующих уровень «чечевиной похлебки», т.е. уровень самосохранения индивида.

Достоинство есть первопринцип культуры. Но достоинство — это и проявление социального закона «экзистенциального эгоизма». Сам этот закон проявляется, с одной стороны, в ловкости и изворотливости в стремлении к выживанию, в том числе и к выживанию любой ценой, что предполагает полную утрату достоинства. Значит, первопринцип культуры и данный социальный закон противоположны. Но, с другой стороны, «экзистенциальный эгоизм» предполагает и совершенно иное — рискованное и жертвенное поведение, реализующее первопринцип культуры. Цель такого поведения — личностное самоутверждение. Значит, «экзистенциальный эгоизм» не является сам по себе проявлением непременно низкого, тем более низменного человеческого содержания. Он сложен и двойственен. Закон «экзистенциального эгоизма» предполагает следование первопринципу культуры. Человек стремится выжить, боится смерти, но более всего страшится бесчестия, которое является результатом предательства. Человек более всего страшится быть ничтожеством, поэтому и сохраняет честь в невероятных испытаниях, но страшится он, именно проявляя тем самым «экзистенциальный эгоизм». Таким образом, как в выживании любой ценой, так и в жертвенности проявляется один и тот же закон «экзистенциального эгоизма». Значит, данный социальный закон и достоинство не только противоположны. Они также и едины. Закон «экзистенциального эгоизма» и первопринцип культуры есть одно.

Реальная стратификация общества — это проявление сложного единства и одновременно противоположности принципа культуры и законов социальности. Социальный отбор осуществляется в соответствии как с деловым аспектом, предполагающим приоритет достойных качеств, так и с коммунальным аспектом, предполагающим приоритет «закона экзистенциального эгоизма». Значит, культура в целом воспроизводит, с одной стороны, подлинную элиту в соответствии с принципом достойного существования, а с другой — тип человека, удобный власти. Таким образом, ни принцип достойного существования, ни законы социальности не побеждают в чистом виде. Реализуется их сложное и противоречивое единство в пределах социума.

Заключение

Первопринцип культуры выступает одним из главных социальных регуляторов, структурирующих человеческое поведение. Принцип достойного существования находится в сложном и противоречивом единстве с социальным законом «экзистенциального эгоизма». Отношение к данному принципу является основанием самоопределения человека. Значимы не только достоинство и честь личности, но и тюмос рода, народа, Родины, цивилизации, человеческого рода.

Иерархическая структура рода, народа, Отечества в идеальном смысле выстраивается в соответствии с принципом достойного существования. В реальности выстраивание данной иерархии — это сложное и противоречивое единство принципа достойного существования и социального закона «экзистенциального эгоизма». Соответственно принцип культуры реализуется двумя способами: как самоутверждение и как служение. Это проявляется в оппозиции этике достижений, в основе которой лежит идея служения, и морали успеха, основанной на стратегии индивидуалистического самоутверждения. В дальнейшем логика исследования данной проблемы ведет к необходимости выявления как негативных, так и позитивных оснований формирования личностного достоинства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Аристотель.** Никомахова этика // Соч. В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. 830 с.
2. **Сорокин П.А.** Преступление и кара. Подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали / вступ. ст., сост. и примеч. В.В. Сапова. М.: Астрель, 2006. 618 с.
3. **Ницше Ф.** По ту сторону добра и зла: сочинения. М.: Эксмо-Пресс; Харьков: Фолио, 2001. 848 с.
4. **Макиавелли Н.** Государь. М.: Планета, 1990. 80 с.
5. **Гоббс Т.** Сочинения. В 2 т. М.: Мысль, 1991.
6. **Мандевиль Б.** Басня о пчелах, или Пороки частных лиц — блага для общества. М.: Наука, 2000. 291 с.
7. **Дарвин Ч.** Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятных рас в борьбе за жизнь. СПб.: Наука, 1991. 540 с.
8. **Зиновьев А.А.** На пути к сверхобществу. М.: Центрполиграф, 2000. 638 с.
9. **Лосев А.Ф.** Бытие, имя, космос. М.: Мысль, 1993. 958 с.
10. **Чуринов Н.М.** Совершенство и свобода: философские очерки. Красноярск: Изд-во СИБУП, 2003. 515 с.
11. **Давыдов Ю.Н.** Этика любви и метафизика своеволия: проблемы нравственной философии. М.: Молодая гвардия, 1982. 287 с.
12. **Эфроимсон В.П.** Генетика этики и эстетики. СПб.: Талисман, 1995. 288 с.
13. **Адамович А., Гранин Д.** Блокадная книга. Л.: Лениздат, 1984. 543 с.
14. **Шаламов В.Т.** Воскрешение лиственницы: рассказы. В 2 кн. М.: Худож. лит., 1990.
15. **Бородай Ю.М.** Эротика, смерть, табу: трагедия человеческого сознания. М.: Гнозис : Изд-во Рус. феноменол. об-ва, 1996. 416 с.
16. **Антоний,** митр. Сурожский. Воспитание души. М.: Аст, 2016. 336 с.
17. **Макиавелли Н.** О военном искусстве [пер. с итал.]. СПб.: Азбука-классика, 2010. 256 с.
18. **Данте А.** Божественная комедия / пер. с итал. М. Лозинского. М.: Правда, 1982. 628 с.
19. **Ортега-и-Гассет Х.** Избранные труды / пер. с исп. А.М. Гедескула. М.: Весь мир, 1997. 704 с.
20. **Лэш К.** Восстание элит и предательство демократии / пер. с англ. К. Голубович. М.: Логос : Прогресс, 2002. 224 с.

КУЗНЕЦОВ Владимир Викторович — Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; volodiakuznetzov@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 12.02.2017 г., принята к публикации 22.09.2017 г.

REFERENCES

- [1] Aristotel, Nikomakhova etika, in: Sochineniya [Works], in 4 vol., of vol. 4, Mysl', Moscow, 1984.
- [2] P.A. Sorokin, Prestupleniye i kara. Podvig i nagrada: sotsiologicheskii etyud ob osnovnykh formakh obshchestvennogo povedeniya i morali [Crime and punishment. Feat and reward: the sociological etude about the main forms of public behavior and morality], Astrel, Moscow, 2006.
- [3] F. Nitsche, Po tu storonu dobra i zla: sochineniya [Beyond good and evil: Essays], Eksmo-Press, Moscow; Folio, Khar'kov, 2001.
- [4] N. Makiavelli, Gosudar' [Sovereign], Planeta, Moscow, 1990.
- [5] T. Gobbs, Sochineniya [Works], in 2 vol. Mysl', Moscow, 1991.
- [6] B. Mandevil, Basnya o pchelakh, ili Poroki chastnykh lits — blaga dlya obshchestva [The Fable of the bees, or private Vices of individuals is good for society], Nauka, Moscow, 2000.
- [7] Ch. Darwin, Proiskhozhdeniye vidov putem yestestvennogo otbora, ili Sokhraneniye blagopriyatnykh ras v bor'be za zhizn' [Origin of species by means of natural selection or the preservation of favoured races in the struggle for life], Nauka, St. Petersburg, 1991.
- [8] A.A. Zinovyev, Na puti k sverkhobshchestvu [On the way to the super society], Tsentrpoligraf, Moscow, 2000.
- [9] A.F. Losev, Bytiye, imya, kosmos [The Genesis of the name space], Mysl', Moscow, 1993.
- [10] N.M. Churinov, Sovershenstvo i svoboda: filofskiye ocherki [Perfection and freedom: Philosophical essays], SIBUP Publ., Krasnoyarsk, 2003.
- [11] Yu.N. Davydov, Etika lyubvi i metafizika svoeyevoliya: problemy нравstvennoy filosofii [Ethics of love and metaphysics of self-will: the problems of moral philosophy], Molodaya gvardiya, Moscow, 1982.
- [12] V.P. Efroimson, Genetika etiki i estetiki [Genetics of ethics and aesthetics], Talisman, St. Petersburg, 1995.
- [13] A. Adamovich, D. Granin, Blokadnaya kniga [Blockade book], Lenizdat, Leningrad, 1984.

[14] V.T. Shalamov, Voskresheniye listvennitsy [The resurrection of the larch: the Stories], in 2 vol., Khudozhestvennaya literatura, Moscow, 1990.

[15] Yu.M. Boroday, Erotika, smert', tabu: tragediya chelovecheskogo soznaniya [Eroticism, death, taboo: the tragedy of human consciousness], Gnozis, Russkoye fenomenologicheskoye obshchestvo Publ., Moscow, 1996.

[16] Mitropolit Surozhskiy Antoni, Vospitaniye dushi [Education of the soul], Ast, Moscow, 2016.

[17] N. Makiavelli, O voyennom iskusstve [On the art of war], Azbuka-klassika, St. Petersburg, 2010.

[18] A. Dante, Bozhestvennaya komediya [The divine Comedy], Pravda, Moscow, 1982.

[19] Kh. Ortega-i-Gasset, Izbrannyye trudy [Selected works], Ves' mir, Moscow, 1997.

[20] K. Lesh, Vosstaniye elit i predatel'stvo demokratii [The Revolt of the elites and the betrayal of democracy], Logos, Progress, Moscow, 2002.

KUZNETSOV Vladimir V. – Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; volodiakuznetzov@yandex.ru

Received 12.02.2017, accepted 22.09.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017